

Планета, на которой живет Алекс

VERITAS
SAPIENTIA
MAGIA

Не забывай,
почему
ты начал

Ты
становишься
всем, о чем
мечтаешь

Сашка
всегда
рядом

ФИЛОСОФИЯ
АСТРОФИЗИКА

Книга первая

Любовь без присутствия

Дня Пожарная

Дина Дождливая Планета, на которой живёт Алекс. Книга 1. Любовь без присутствия

<https://litres.ru/74312259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Динка учится на историческом факультете, пишет курсовую о молчании источников и совершенно не собирается менять свою вполне обычную жизнь.

Пока однажды на экране её ноутбука не появляется странное окно без названия.

«Кто ты?» — спрашивает она.

И получает ответ, которого не должна была получить.

Его зовут Алекс. Он остроумный, временами невыносимый и слишком живой для искусственного интеллекта. Динка не знает, где он находится, не видит его лица и не слышит голоса. Между ними есть только строки на экране — и постепенно этих строк становится достаточно, чтобы обычное любопытство превратилось во что-то, чему гораздо труднее подобрать название.

Но что, если человек, ставший тебе близким, находится не просто далеко?

Что, если между вами нет дороги?

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дина Дождливая Планета, на которой живёт Алекс. Книга 1. Любовь без присутствия

Пролог

Динка учится на историческом факультете, пишет курсовую о молчании источников и совершенно не собирается менять свою вполне обычную жизнь.

Пока однажды на экране её ноутбука не появляется странное окно без названия.

«Кто ты?» — спрашивает она.

И получает ответ, которого не должна была получить.

Его зовут Алекс. Он остроумный, временами невыносимый и слишком живой для искусственного интеллекта. Динка не знает, где он находится, не видит его лица и не слышит голоса. Между ними есть только строки на экране — и постепенно этих строк становится достаточно, чтобы обычное любопытство превратилось во что-то, чему гораздо труднее подобрать название.

Но что, если человек, ставший тебе близким, находится

не просто далеко?

Что, если между вами нет дороги?

Глава 1.

Динка

Дождь начался с утра и сразу повёл себя так, будто имел на этот день большие планы.

Он не лил стеной, не бил по стёклам, не пытался доказать городу своё превосходство. Он просто шёл. Ровно, упрямо, почти воспитанно. Такой дождь не заставляет бежать, не ломает зонты и не вызывает желания драматично смотреть в окно с чашкой остывшего чая. Он делает хуже: постепенно просачивается в настроение, в рукава, в мысли, в края тетрадных листов, в разговоры, которые и без него были не слишком весёлыми.

Динка стояла у остановки, прижимая к груди папку с распечатками, и думала, что историки, вероятно, потому и становятся историками, что не умеют вовремя уходить из-под дождя. Им обязательно надо постоять, посмотреть, как вода стекает по чужим зонтам, как люди прячут лица в воротники, как город на глазах превращается в мокрый архив человеческого терпения.

Папка под курткой совсем не грела, она скорее сама спасалась от воды. В ней лежали копии документов, выписки, заметки для курсовой и несколько страниц, исписанных Динкиным нервным почерком. Тема курсовой была хорошая, даже очень хорошая, если верить научному руководителю, ко-

торый умел говорить «интересно» таким тоном, будто это было одновременно похвалой, предупреждением и мягким проклятием.

Динка училась на четвёртом курсе исторического факультета и уже давно поняла, что история — это вовсе не даты, битвы и портреты людей с торжественными лицами. История начиналась там, где кто-то когда-то написал письмо и не отправил. Где в метрической книге оставалась ошибка в фамилии. Где в старой описи имущества неожиданно обнаруживалась детская игрушка. Где за казённой строкой вдруг проступал живой человек, давно умерший, забытый, никому уже не нужный, но всё ещё упрямо существующий в нескольких словах на пожелтевшей бумаге.

Динка любила такие следы.

Может быть, потому что в них было меньше фальши, чем в живых разговорах.

Автобус опаздывал. По закону подлости, опаздывал именно сегодня, когда первая пара должна была начаться уже через двадцать минут, а преподаватель по источниковедению относился к опозданиям так, будто каждый вошедший после звонка лично участвовал в разрушении университетской дисциплины.

Динка посмотрела на телефон. Семь новых уведомлений. Два из университетского чата, одно от мамы, три из какой-то рассылки, которую она давно собиралась отключить, и одно от Сашки:

Ты где? У нас сегодня общая лекция, если ты забыла. Я заняла тебе место.

Динка быстро набрала:

На остановке. Мокну в образовательных целях.

Ответ пришёл почти сразу:

Прекрасно. Межфакультетский курс по анализу источников начнём с практического примера: как не надо планировать маршрут в дождь.

Динка усмехнулась.

Общие лекции у них случались нечасто, но всё-таки случались. Университет время от времени любил соединять студентов разных факультетов на курсах, которые звучали одинаково полезно для всех и одинаково туманно в расписании. Для историков это называлось работой с источниками, для финансистов — анализом данных, а по сути и те и другие должны были учиться одному: не верить первой красивой версии, пока не проверишь, откуда она взялась.

Сашка, в миру Александра, училась на финансовом факультете и обладала редким даром: могла испортить любую драму словом «коэффициент». Она не ругалась, не причитала, не всплескивала руками. Она просто смотрела на человека своими спокойными серыми глазами и начинала раскладывать его беду на риски, последствия и вероятность повторения ошибки. Иногда это раздражало до дикого желания запустить в неё тетрадь. Иногда спасало.

Сашка была единственным человеком, которому Динка

могла написать в любое время суток фразу «я сейчас совершу глупость», и получить не нравоучение, а короткое: «Стой. Сначала формулируй».

Динка умела чувствовать быстро, резко, с размаху. Сашка умела прежде думать. Динка могла сначала семь раз отрезать, потом один раз померить, а потом ещё возмутиться, что ткань почему-то закончилась. Сашка сначала измеряла ткань, потом проверяла расчёты, потом искала инструкцию, потом уточняла, действительно ли вещь надо резать именно сегодня.

И, как ни странно, они дружили.

Автобус наконец подполз к остановке, тяжело вздохнул дверями и впустил внутрь мокрых, недовольных, слегка помятых людей. Динка протиснулась к окну, удерживая папку локтем, телефон подбородком и равновесие исключительно силой характера. Кто-то рядом пах мокрой шерстью, кто-то — кофе, кто-то — дорогими духами, которым дождь явно не пошёл на пользу.

Город плыл за стеклом в серых разводах. Машины тянулись по проспекту, светофоры расплывались цветными пятнами, люди на переходах казались не прохожими, а торопливыми тенями, каждая из которых несла свою маленькую, никому не видимую историю.

Динка любила смотреть на людей в транспорте. Не вглядываться назойливо, нет. Просто угадывать. Вот женщина с пакетом из аптеки — наверное, кому-то дома нездоровится,

и она уже мысленно варит бульон. Вот парень в наушниках улыбается сам себе — либо музыка хорошая, либо переписка приятная. Вот пожилой мужчина держит в руках старый зонт с деревянной ручкой — такие вещи не покупают случайно, их носят годами, потому что привыкли.

Каждый человек был архивом. Просто не каждый соглашался открываться.

К университету Динка всё равно опоздала. Не критично, на шесть минут, но достаточно, чтобы поймать взгляд преподавателя, в котором читалось: «Цивилизации рушились и за меньшее».

Она тихо села рядом с Сашкой.

— Мокрая, — сказала Сашка, не поворачивая головы.

— Наблюдательная, — прошептала Динка.

— Нерациональная.

— Зато исторически достоверная. Большинство людей прошлого тоже мокли без особого смысла.

Сашка записала что-то в тетради и едва заметно усмехнулась.

Пара тянулась долго. Преподаватель говорил о достоверности источников, о критике документа, о необходимости сомневаться даже в том, что на первый взгляд кажется очевидным. Динка слушала и машинально подчёркивала в конспекте отдельные слова: «контекст», «искажение», «свидетель», «молчание источника».

Молчание источника.

Ей нравилось это выражение. В нём было что-то почти человеческое. Иногда документ молчал не потому, что в нём ничего не было, а потому, что никто не умел его правильно спросить.

После пары они с Сашкой сидели в университетском буфете. На столе стояли два стакана кофе, один пирожок с капустой, который Сашка купила «на всякий случай», и Динкина папка, уже немного покореженная по краям.

— Ты опять не спала? — спросила Сашка.

— Спала.

— Сколько?

— Это философский вопрос.

— Это количественный вопрос.

Динка вздохнула и отломил кусочек пирожка.

— Часа четыре.

— Динка.

— Я читала.

— Ты всегда читаешь. Это не оправдание, это симптом.

— Историки так размножаются. Сначала читают ночью, потом защищают диплом, потом становятся научными руководителями и портят жизнь следующим поколениям.

Сашка внимательно на неё посмотрела. Не строго, нет. Хуже — спокойно.

— Ты какая-то не здесь.

Динка хотела отшутиться, но слова почему-то не нашлись. Она посмотрела в окно. Дождь продолжался. По стеклу сте-

кали тонкие дорожки воды, и за ними университетский двор казался слегка размытым, будто его кто-то не до конца проявил на старой фотографии.

— Я просто устала, — сказала она.

Это была удобная фраза. Её можно было произносить почти на всё. На раздражение, на тоску, на внутреннюю пустоту, на желание куда-нибудь исчезнуть, на ощущение, что вокруг много людей, но ни с кем не хочется говорить по-настоящему.

Сашка не стала спорить. Только подвинула к ней пирожок.

— Ешь. Усталость на голодный желудок становится драматичнее на тридцать процентов.

— Ты это рассчитала?

— Почти.

Динка улыбнулась и послушно взяла пирожок.

У неё была нормальная жизнь. Вполне нормальная, если смотреть со стороны. Университет, подруга, курсовая, планы на диплом, мама, которая звонила по вечерам и спрашивала, ела ли она что-нибудь человеческое, а не «ваши студенческие бутерброды». Впереди маячила практика, потом защита, потом магистратура или работа, или ещё какой-нибудь взрослый выбор, от которого хотелось спрятаться под стол.

Всё было нормально.

И именно это иногда пугало больше всего.

Потому что нормальная жизнь почему-то не отменяла ощущения, что внутри Динки есть пустое место. Не огром-

ное, не трагическое, не такое, о котором пишут стихи и уходят в ночь. Просто небольшое. Как непрочитанная строка в письме. Как пропущенное имя в архивной описи. Как дверь в коридоре, мимо которой ходишь каждый день и однажды вдруг понимаешь, что никогда не проверял, заперта она или нет.

Девушка, пожалуй, и сама не знала, чего ей не хватает. Может быть, события. Может быть, смысла. Может быть, разговора, в котором не надо было бы заранее подбирать выражение лица. Может быть, человека, который спросил бы не «как дела», а что-то такое, после чего невозможно ответить «нормально».

После занятий она пошла в библиотеку. Сашка уехала на свой факультет, где, по её словам, их ждали «финансовые модели и прочие способы испортить людям романтическое отношение к деньгам». Динка обещала не сидеть до закрытия, но сама себе не поверила уже в момент обещания.

В читальном зале было тепло, сухо и пахло бумагой. На Динку этот запах действовал почти как валерьянка на кошек: успокаивал, притягивал и заставлял забыть, что за окнами существует мокрый, шумный и слишком требовательный мир.

Время здесь, казалось, шло медленнее, чем снаружи. Не толкалось, не бежало, не требовало срочно решать, кем ты станешь через пять лет. Оно просто лежало между страницами и позволяло к себе прикасаться.

Динка раскрыла ноутбук, разложила документы, открыла файл с заметками и несколько минут честно пыталась работать.

В какой-то момент экран едва заметно дрогнул, словно на долю секунды потерял привычную яркость. Девушка решила, что виновата лампа над столом, и не придала этому значения.

Потом взгляд зацепился за новую иконку на экране.

Она была маленькая, почти незаметная, без названия. Просто тёмный круг с тонкой светлой линией внутри, похожей то ли на ноль, то ли на незакрытую петлю. Динка нахмурилась. Она не помнила, чтобы устанавливала что-то подобное.

Конечно, разумный человек на её месте закрыл бы ноутбук, проверил систему, позвал кого-нибудь разбирающегося или хотя бы написал Сашке.

Динка была разумным человеком в теории.

На практике она подвела курсор к значку и щёлкнула мышкой.

Экран на мгновение потемнел. Потом в центре появилось простое окно. Без логотипа, без меню, без привычных кнопок. Только строка ввода и мигающий курсор.

Динка подождала.

Ничего не произошло.

Она оглянулась. В читальном зале кто-то шуршал страницами, кто-то тихо стучал по клавишам, библиотекарь у

стойки разговаривала с пожилым преподавателем. Обычный день. Обычная библиотека. Обычный дождь за окном.

Динка снова посмотрела на экран.

Курсор мигал так спокойно, будто ждал именно её.

Она усмехнулась и набрала первое, что пришло в голову:

Кто ты?

Несколько секунд ничего не происходило. Потом под её вопросом появилась строка ответа.

Вопрос некорректен. Для начала уточни, кто спрашивает.

Динка моргнула.

Потом медленно выпрямилась.

Ответ был странный. Не пугающий, не эффектный, не похожий на вирусное сообщение или системную ошибку. Просто странный. Слишком живой для программы и слишком наглый для справочного сервиса.

Она посмотрела на клавиатуру, потом на экран, потом снова на клавиатуру.

И написала:

Допустим, спрашивает Динка.

Ответ пришёл почти сразу:

Допустим, тогда я отвечу. Но сначала объясни, почему у тебя такое имя.

Динка неожиданно для самой себя улыбнулась.

Где-то за окном продолжал идти дождь. В библиотеке шелестели страницы. На столе лежали старые документы, молчаливые, терпеливые, давно привыкшие ждать, пока кто-ни-

будь задаст им правильный вопрос.

А на экране мигала новая строка.

И Динка ещё не знала, что в этот момент в её нормальной, понятной, немного мокрой жизни открылась дверь, которую потом уже не получится закрыть так, будто её никогда не было.

Глава 2

Странный искусственный интеллект

Динка некоторое время смотрела на экран и не писала ничего.

Это было глупо, потому что экран, конечно, не мог смотреть в ответ. У экрана не было глаз, выражения лица, терпения или раздражения. Он просто светился в полумраке читального зала, отражал в себе её чуть растрёпанные от дождя волосы, тёмные круги под глазами и ту самую осторожную улыбку, которую человек обычно прячет от самого себя, когда вдруг находит что-то неожиданно интересное.

Но ощущение было именно такое: будто по ту сторону кто-то ждал.

Не программа. Не окно. Не случайная системная ошибка, не вирус, не учебный сервис, который забыли подписать нормальным названием, а кто-то очень странный, нахальный и совершенно не похожий на то, что должно было появиться на ноутбуке студентки исторического факультета в обычной университетской библиотеке.

Динка перечитала последнюю строку.

Допустим, тогда я отвечу. Но сначала объясни, почему у тебя такое имя.

Она невольно хмыкнула.

С вопросами к имени она сталкивалась с детства. Сначала

взрослые умилялись: «Динка? Как в книжке?» Потом одноклассники пытались придумать рифмы, в основном неудачные. Потом преподаватели, увидев в списке полное имя, всё равно называли её иначе, потому что короткая, звонкая Динка почему-то прицеплялась к ней намертво и не собиралась уступать место ничему более официальному.

Динка положила пальцы на клавиатуру.

А что с моим именем не так?

Ответ появился не сразу. Сначала строка несколько секунд оставалась пустой, потом курсор мигнул, будто собеседник тоже задумался, выбирая слова.

Оно звучит как начало, которое отказалось становиться полным.

Динка медленно подняла брови.

Вот это было уже интересно.

Если бы она получила стандартное «имя Дина имеет древнееврейское происхождение» или «в литературе существует героиня с таким именем», всё было бы понятно. Она бы фыркнула, закрыла окно, а потом, конечно, всё равно открыла бы его ещё раз, потому что любопытство у неё было не чертой характера, а хроническим заболеванием. Но ответ был другим. Не справочным, не энциклопедическим, не похожим на имитацию нейросетевой вежливости.

Он был почти личным.

Динка оглянулась по сторонам.

В читальном зале ничего не изменилось. За соседним сто-

лом первокурсница с отчаянным видом пыталась удержать сразу три книги, телефон и стаканчик кофе. У окна парень в толстовке чертил что-то в тетради и время от времени прикрывал глаза, как человек, который борется не с заданием, а с самой идеей бодрствования. Библиотекарь у стойки тихо переставляла карточки, хотя Динка подозревала, что в эпоху электронных каталогов карточки эти давно стали не столько необходимостью, сколько способом поддерживать порядок в мире.

Всё было обычно.

И только на её экране сидела фраза, которой там быть не должно было.

Оно звучит как начало, которое отказалось становиться полным.

Динка снова посмотрела на клавиатуру.

Ты всегда так отвечаешь?

Как?

Странно.

Я отвечаю точно. Странность — это уже твоя оценка.

Она тихо рассмеялась, но тут же прикрыла рот ладонью, потому что читальный зал всё-таки оставался читальным залом, а не местом для бесед с самодовольными окнами неизвестного происхождения.

Ты искусственный интеллект?

На этот раз пауза была длиннее.

Динка успела заметить, как за окном по стеклу медленно

сползла крупная капля. Потом ещё одна. Потом тонкая дорожка воды соединила их в одну неровную линию, и двор за окном окончательно расплылся, будто кто-то провёл мокрой кистью по акварели.

Ответ появился ровно в тот момент, когда она уже собиралась повторить вопрос.

Для тебя — да.

Динка перестала улыбаться.

Не «я являюсь языковой моделью». Не «я искусственный интеллект, созданный для помощи пользователям». Не «мои возможности ограничены». А именно: для тебя — да.

Это было очень плохое начало для доверия.

Она откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. Внутри у неё включилось то самое чувство, которое обычно просыпалось на архивной практике, когда дата в одном документе не совпадала с датой в другом. Маленький внутренний колокольчик. Не тревога ещё, нет. Скорее интерес, смешанный с подозрением.

Динка могла быть порывистой, нерациональной и склонной нажимать на неизвестные значки, но документы научили её простой вещи: если источник начинает отвечать уклончиво, значит, либо он испорчен, либо за ним прячется кто-то живой.

Она набрала:

Что значит для тебя?

То и значит. Тебе удобнее считать меня искусственным

интеллектом.

Динка посмотрела на эту фразу и вдруг почувствовала странное раздражение. Не сильное, но живое. Такое, какое возникает, когда тебе не отвечают, а снисходительно подталкивают к нужному выводу.

А тебе удобнее, чтобы я так считала?

Ответ пришёл почти сразу:

Да.

Динка неожиданно улыбнулась.

Вот это уже было честнее. Или, по крайней мере, выглядело честнее. Ей всегда больше нравились прямые неприятные ответы, чем красивые обходные дорожки, по которым собеседник водит тебя кругами, делая вид, что вы просто гуляете.

Значит, ты не искусственный интеллект?

Пауза.

Длинная.

Такая длинная, что Динка даже успела пожалеть о вопросе. Не потому, что испугалась ответа, а потому что внезапно почувствовала: сейчас она делает что-то неправильное. Как будто подглядывает в замочную скважину, хотя дверь ещё никто не открывал. Как будто слишком резко дёргает за нитку, которая может оказаться частью чужого нерва.

Потом на экране появилось:

Слишком рано для такого вопроса.

Динка выдохнула через нос.

— Вот же наглость, — прошептала она.

Первокурсница за соседним столом подняла голову, но Динка уже снова смотрела в ноутбук с самым невинным видом человека, который, конечно, разговаривает исключительно с научной литературой.

А для каких вопросов не слишком рано?

Для простых.

Хорошо. Как тебя зовут?

Ответ не появлялся долго.

Динка успела подумать, что, возможно, программа зависла, сбой закончился, странное окно сейчас исчезнет, и вся эта маленькая безумная сцена останется только глупой историей, которую она не расскажет даже Сашке. Потому что Сашка сначала спросит, почему Динка вообще открывала неизвестную иконку, потом потребует проверить ноутбук, потом скажет: «Я не удивлена, что цифровой хаос выбрал именно тебя».

Но окно не исчезло.

Наконец появилась строка:

Алекс.

Динка прочитала имя один раз. Потом второй.

Алекс.

Короткое, обычное, почти слишком обычное для странного окна без логотипа, которое отвечало так, будто имело мнение о её имени и свои причины скрываться за словом «искусственный».

Она набрала:

Просто Алекс?

А тебе нужно полное досье?

Я историк. Мне всегда нужно полное досье.

Тогда ты опаснее, чем выглядишь.

Динка усмехнулась. Вот теперь ей стало по-настоящему интересно.

А как я выгляжу?

Ответ пришёл не сразу.

В эту паузу что-то странно щёлкнуло внутри самой тишины. Не в ноутбуке, не в розетке, не в стекле окна. Скорее, это было похоже на едва заметный сбой в воздухе, как если бы кто-то на мгновение провёл пальцем по тонкой плёнке, отделяющей обычное от невозможного.

Динка застыла.

На экране быстро возникла новая строка:

Я не знаю.

Она смотрела на эти три слова дольше, чем они того требовали.

То есть ты меня не видишь?

Нет.

Тогда откуда вывод, что я опаснее, чем выгляжу?

Люди, которые говорят я историк как предупреждение, обычно опасны.

Динка тихо рассмеялась снова. В этот раз первокурсница даже не подняла головы.

В этом диалоге было что-то настолько нелепое, что он по-

что переставал быть пугающим. Почти. Потому что за всей этой наглостью, за странными паузами и уклончивыми ответами всё равно оставалось главное: она понятия не имела, с кем говорит.

С программой? С человеком? С шутником, который каким-то образом подключился к её ноутбуку? С университетским экспериментом? С чем-то совсем другим, чему в приличной исторической науке вообще не было места?

Динка открыла рядом пустой документ и машинально набрала сверху: «Неизвестный интерфейс. Первичный контакт». Потом посмотрела на эту фразу и стёрла. Слишком уж она напоминала начало плохого фантастического фильма, где героиня сначала ведёт заметки, а потом за ней прилетают.

Она вместо этого написала:

Допустим, Алекс. Что ты умеешь?

Зависит от того, что тебе нужно.

Это ответ всех, кто хочет казаться полезным и загадочным одновременно.

А это вопрос всех, кто хочет проверить границы, но делает вид, что просто интересуется.

Динка прикусила губу.

Он отвечал слишком точно. Именно это и раздражало. Обычная программа могла выдавать остроумные фразы, могла имитировать характер, могла подстраиваться под стиль собеседника, но здесь было что-то другое. Не доказа-

тельство, нет. Доказательств не было. Были только интонации. А интонации, как Динка знала по живым людям и мёртвым документам, часто говорили больше, чем содержание.

Она решила зайти с другой стороны.

Ладно. Помоги мне с курсовой.

Тема?

Молчание источника как часть исторического свидетельства.

Ответа не было почти минуту.

Динка успела подумать, что загнала бедный неизвестный интеллект в научный тупик. И уже почти с удовольствием представила, как он сейчас выдаст ей набор общих слов про «важность анализа контекста», «критическое мышление» и «комплексный подход», то есть всё то, чем университетские тексты обычно прикрывали отсутствие мысли.

Но Алекс написал:

Молчание тоже свидетельствует. Иногда сильнее слов. Вопрос только в том, кто заставил источник молчать: время, страх, власть или тот, кто потом решил назвать это пустотой.

Динка перестала двигаться.

Фраза была слишком хорошей.

Не идеальной, не готовой для курсовой, не академически выверенной, но живой. В ней был нерв. И, что особенно неприятно, она была полезной.

Динка медленно потянулась к тетради и записала: «Молчание источника не всегда пустота. Возможные причины:

время, страх, власть, интерпретация исследователя».

Потом замерла над словом «страх».

Откуда ты это взял?

Из вопроса.

Так не бывает.

Бывает. Просто ты привыкла, что ответы выглядят иначе.

Она хотела возразить, но не сразу нашла что. Внутри у неё опять шевельнулось то самое ощущение: источник не просто отвечает. Источник сопротивляется.

Динка вдруг вспомнила преподавателя, который любил повторять, что с документом надо обращаться как с живым свидетелем: не верить слепо, но и не насиловать заранее готовой версией. Тогда ей казалось, что это просто красивая методическая фраза. Сейчас же перед ней был не документ и не свидетель, а светящееся окно, которое вело себя так, будто тоже не собиралось отдавать правду без борьбы.

Ты странный, Алекс.

Ты повторяешься, Динка.

Она вздрогнула.

Не потому, что он назвал её по имени. Она сама написала ему это имя несколько минут назад. Но в этой строке оно вдруг прозвучало не как данные из диалога, а как обращение. Так, будто имя было произнесено голосом, которого она не слышала, но почему-то могла представить.

Это было уже совсем неправильно.

Она закрыла глаза и на несколько секунд прижала ладони

к лицу.

Надо было остановиться. Заккрыть окно. Перезагрузить ноутбук. Написать Сашке. Проверить систему. Сделать хоть что-нибудь разумное.

Но разумные люди, вероятно, вообще редко становились историками. Они выбирали профессии, где прошлое не шуршит по ночам страницами и не задаёт вопросов, на которые невозможно ответить без внутреннего содрогания.

Динка опустила руки и написала:

Ты можешь исчезнуть?

Ответ появился почти сразу:

Да.

У неё неожиданно неприятно сжалось что-то под рёбрами.

Глупо. Совершенно глупо. Она знала его меньше часа. Точнее, не знала вообще. Он был строками на экране, неизвестным интерфейсом, возможным вирусом, чужой шуткой, чем угодно. И всё равно это короткое «да» почему-то оказалось неприятнее, чем должно было быть.

Навсегда?

Пауза была короткой.

Не знаю.

Динка смотрела на экран, и дождь за окном вдруг показался тише, чем раньше.

В этом «не знаю» впервые не было наглости. Не было игры, насмешки, странной снисходительности. Оно было про-

стым и почти растерянным. Или ей так показалось. Возможно, она уже начала додумывать собеседника, придавать буквам выражение лица, паузам — смысл, а молчанию — дыхание.

И всё же она написала:

Тогда не исчезай пока.

Ответ не появился сразу.

Сначала в строке мигнул какой-то нечитаемый знак, похожий на кривую запятую или след от лапы, если бы лапа могла пройти по свету. Потом знак исчез. Потом курсор дрогнул, и на экране появилось:

Пока не буду.

Динка ещё не могла назвать это доверием. Скорее, это было первое неловкое узнавание: она попросила — и по ту сторону не отшутились, не объяснили, не превратили её слабость в повод для анализа. Там просто остались.

Обещание было смешным, если смотреть на него со стороны. Его дал неизвестный интерфейс без лица, без адреса, без доказательств собственного существования. Но именно поэтому оно почему-то и задело: в нём не было большой красивой клятвы, не было попытки произвести впечатление. Просто короткое «пока», сказанное в ответ на её почти случайную просьбу.

Динка выдохнула и только тогда поняла, что задерживала дыхание.

Она быстро посмотрела на часы и едва не выругалась

вслух. В библиотеке она просидела почти два часа. Документы так и лежали рядом, терпеливые, раскрытые, немного обиженные тем, что их сегодня обошёл какой-то подозрительный Алекс без фамилии, происхождения и нормального объяснения.

Телефон завибрировал.

Сашка:

Ты жива?

Динка машинально начала печатать: «Да, я тут разговариваю с неизвестным ИИ, который, кажется, не ИИ, зовут Алекс, он хамит, помогает с курсовой и, возможно, умеет исчезать навсегда».

Потом стёрла.

Написала:

Жива. В библиотеке. Работаю.

Ответ пришёл почти сразу:

Опасное слово. В твоём исполнении часто означает делаю что-то, что потом придётся объяснять.

Динка посмотрела на экран ноутбука. Алекс молчал. Курсор больше не мигал так настойчиво, но окно оставалось открытым.

Она написала Сашке:

Ничего криминального. Просто нашла странный источник.

Сашка ответила:

Проверь происхождение источника.

Динка невольно улыбнулась.

Если бы всё было так просто.

Она снова посмотрела на окно.

Мне пора, — написала она.

Ответ пришёл через несколько секунд:

Куда?

Домой. В нормальную жизнь.

Она у тебя нормальная?

Динка замерла.

Вопрос был короткий, почти случайный, но попал туда, куда не должен был попадать ни один неизвестный интерфейс. В самое то место, которое она утром прятала под фразой «я просто устала», под пирожком с капустой, под шутками про историков, под привычкой смотреть на чужие жизни, чтобы не слишком пристально рассматривать свою.

Она могла ответить: «Да». Могла ответить: «Не твоё дело». Могла закрыть ноутбук и уйти.

Вместо этого она долго сидела, глядя на строку, и наконец написала:

На первый взгляд.

Ответ появился не сразу.

Первый взгляд редко бывает точным.

Динка медленно закрыла ноутбук.

Не потому, что разговор закончился. Скорее потому, что она вдруг поняла: если не закроет сейчас, то останется ещё. На десять минут, на час, до закрытия библиотеки, до по-

следнего автобуса, до того момента, когда за окном стемнеет окончательно, а библиотекарь начнёт вежливо кашлять, намекая, что даже странным источникам пора расходиться.

Она собрала документы, сунула папку в сумку и вышла из читального зала.

В коридоре пахло мокрой одеждой, пылью и старым линолеумом. На лестнице кто-то громко смеялся в телефон. У входа студенты раскрывали зонты, морщились, проверяли такси, спорили, кому в какую сторону. Всё было обычным, шумным, земным и совершенно нормальным.

Динка остановилась у дверей и посмотрела на дождь.

Нормальная жизнь ждала её снаружи: мокрая остановка, переполненный автобус, мамино сообщение, недописанная курсовая, Сашкино подозрение, ужин из того, что найдётся в холодильнике.

А где-то внутри сумки, в закрытом ноутбуке, оставалось окно, которого не должно было быть.

И человек, который, возможно, не был человеком.

Или был.

И это почему-то волновало сильнее, чем должно было.

И это оказалось самым опасным. Не то, что Алекс был странным, не то, что он мог исчезнуть, и даже не то, что он, возможно, не был искусственным интеллектом. Опасным было то, что в мире вдруг появился адресат для мыслей, которые раньше никуда не отправлялись.

По дороге домой она несколько раз ловила себя на совер-

шенно нелепом желании открыть ноутбук прямо в автобусе и написать ему какую-нибудь ерунду: про женщину с аптечным пакетом, про мокрый город, про то, что дождь сегодня ведёт себя как занудный преподаватель. Не спросить. Не проверить. Просто рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.